

ИСТОРИЯ

УДК 94(38)

НЕГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНСКИЕ ИМЕНА АНТИЧНОГО БОСПОРА

© 2010 г.

Т.А. Кузьмина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

tank_kuz@mail.ru

Поступила в редакцию 10.12.2009

Анализируются все известные на сегодняшний день негреческие женские личные имена Боспора: иранские, малоазийские, фракийские, еврейские; рассматривается этническое происхождение их носителей, пути проникновения на Боспор, этимология и контекст бытования. Сделан вывод о том, что присутствие носительниц этих имен вписывается в общую картину протекавших в данном регионе этнических процессов. Незначительное количество зафиксированных в боспорском ономастиконе негреческих женских имен свидетельствует, как одно из возможных объяснений, о традиции смены имени.

Ключевые слова: Боспорское царство, женщина, антропонимика; иранские, малоазийские, фракийские, еврейские имена.

Анализ женских личных имен Боспора представляет интерес как в контексте изучения боспорского ономастикона в целом, дающего представление об этническом составе населения данного региона и протекавших здесь этнических процессах, так и с точки зрения более полного знакомства с миром боспорской женщины. Женские имена практически никогда не выделялись для отдельного рассмотрения. Работы, в которых затрагиваются вопросы, связанные с положением боспорских женщин, и, в частности, привлекаются данные антропонимики, ограничиваются простой констатацией присутствия в Северном Причерноморье представительниц местных варварских племен [1, с. 75; 2, с. 126; 3, с. 70]. В исследованиях по ономастике Боспора женским именам уделяется мало внимания, что связано с незначительной представленностью и малым разнообразием среди них негреческих. Безусловно, инфильтрация в состав населения боспорских городов как мужчин, так и женщин из местных варварских племен – часть единого процесса с общими закономерностями. Поскольку определено негреческих женских имен известно немного, каждый случай заслуживает тщательного рассмотрения, выяснения контекста его бытования и определенных выводов. Негреческие женские имена, изданные в Корпусе боспорских надписей (далее КБН) и опубликованные отдельно, в основном хорошо соотносятся с характерными

для Боспора группами иранских, малоазийских, фракийских, еврейских имен, этимология некоторых неясна; так или иначе затрагиваемая нами тема позволяет внести несколько интересных штрихов к этнической истории Боспорского царства.

Иранские имена

Самый ранний случай упоминания иранского женского имени зафиксирован в надписи на известняковом надгробии, найденном при раскопках курганного некрополя Фанагории, и относится к концу V – началу IV в. до н.э.:

Μικκαλίων
Δημητρίο
Πατίκα
Δημητρίο

Миккалион, (сын) Деметрия, Патика,
(дочь) Деметрия [4, с. 106].

Первая издательница надписи Н.С. Белова констатировала, что в греческой ономастике это женское имя встречается впервые, неясна его этимологическая сторона. С.Р. Тохтасев, предположительно, считает его скифским и относит имя Патика (иран. *Patika-) к тому же корню, что и мужское имя Πάτις, неоднократно встречающееся в боспорских надписях римского периода (в КБН – 10 носителей). Последнее, по его мнению, восходит к древнеиранскому имени, записанному в эламском тексте из Персеполя – *Bat-ti-is*, т.е. *Pati- (авест. *páti-*, среднеперс. *pat* «мужчина»), которое является

сокращением от таких иранских имен, как **Pati-aspa-* и **Friya-pati-* [5, S. 48; 6, p. 17; 7 p. 87, note 4]. Обращает на себя внимание отсутствие гречизации, на конце ожидалась η вместо α. С.Р. Тохтасьев усматривает в данном имени греческую передачу иранской -ā-основы женского рода [8, p. 32, note 150]. Любопытно, что отец и брат Патики носят чисто греческие имена. Указанный исследователь полагает, что при существовавшей в патриархальном обществе патрилинейной системе родства дети от смешанных браков обычно наследовали мужские имена предков по линии мужа и женские по линии жены [9, с. 78]. Таким образом, Патика, вероятно, получила негреческое имя от своей негреческой матери.

Другое иранское имя зафиксировано в надписи на надгробной стеле из некрополя Нимфея, относящейся к I в. н.э.:

Μαστα γυνῆ
Σωσιβίου
χαίρε

Μαστα, жена Сосибия, прощай.

Надпись была впервые издана Л.И. Давыдовой с чтением женского имени Ἀστα, теперь принято чтение Μαστα, предложенное С.Р. Тохтасьевым [10, с. 43, № 31; 11, с. 125]. Это имя засвидетельствовано еще раз на Боспоре в граффито на ткацкой дисковидной подвеске II–III вв. н.э. из Фанагории, которое было ошибочно прочитано И.И. Толстым как γυναικὸς Μαγγας вместо Μαστας (лунарная сигма и тау соединены в лигатуру, которую И.И. Толстой принял за γγ) [12, с. 144, № 250]. Имя Μαστα засвидетельствовано в римское время также в Писидии, оно находит себе прямое соответствие в мужских именах Μαστης из Киликии и очень популярных в римское время имен с Боспора Μαστας, Μαστους [13, § 881–882]. Предлагались греческие, малоазийские, фракийские этимологии этих имен [11, p. 140–150]. Но большее признание получила иранская этимология. М. Фасмер усматривал в них краткие формы к композитам с **Mazda-*, допуская, вместе с тем, и связь с др.-иран. **masta-*, осет. *mast* «пылкий, страстный; гневный», последнее толкование было принято и Л. Згустой [5, S. 44; 14, S. 115–117, § 146]. Можно производить имя и от **masta-*, такого же отглагольного имени на *-ta- к корню **mad-* «откармливать», представленного в осет. *mastag* «плотный», греч. μαστός (< *μαδτος), μαζός (< *μαδjos), нем. Mast и т.д. Иранская этимология выглядит тем привлекательнее, что по меньшей мере в двух иранских языках имена от **masta-* известны (согд. *m'sic* /Mastic/ и ср.-перс. *mštky* /Maštag/)

[11, p. 151]. Таким образом, женское имя Μαστα соответствует иран. **Mastā* и, вероятно, отражает древнюю *а-основу. Вероятной этнической средой, откуда происходит данное имя, судя по хронологии, являются уже не скифы, а сарматы. Отметим также греческий антропоним мужа Μασты.

С именем Μαστα соотносится с большой долей вероятности происходящее из местной варварской, сарматской среды женское личное имя Μάδα, известное из пантикапейского надгробия конца I – начала II в. н.э.:

Μάδα γυνῆ
Δοριτίου,
χαίρε

Μαδα, жена Дорития, прощай (КБН, 456).

По мнению М. Фасмера, женское имя Μάδα восходит к осет. (дигорск.) *madä* «мать» [5, S. 43]. В.Ф. Миллер считает его «прозвищем», поскольку название родства нередко встречается в личных именах [15, с. 243, № 7; 16, с. 86, № 21;]. С.Р. Тохтасьев выделяет целый ряд сарматских имен, в том числе интересующее нас, которые могут быть связаны с иранским корнем **mad-* (восходящих к **μαδα-*, авест. **madu-* «мед», «опьяняющий напиток, медовуха»): Μαδύης, имя скифского царя (Hdt. I, 103; Strab. I, 3, 21: Μαδυς), Μαδῶις (КБН, 1279), Μάδακος (КБН, 1282) [11, p. 152–153], Μαδα (в ген.) на перстне из некрополя Илурата [17, с. 91], и полностью не восстановимое имя II в. н.э. из Горгииппии (Μαδα[---]) [18, с. 151, № 10]. У мужа Μαды, как и у Μασты, греческое имя.

Таким образом, рассмотренные женские имена Μαστα и Μάδα восходят к ираноязычной, сарматской среде. Предположительно, перед нами свидетельства смешанных браков, если мужья Μασты и Μαды, конечно, являлись этническими греками, а не заимствовали греческие имена. Любопытно, что этимологически имена Μαды и Μασты, «мать, кормилица», как нельзя более соответствуют представлениям древних о роли женщины, связаны с материнством.

Еще одно женское имя, которое может быть отнесено к иранскому ономастикону, содержит надпись на известняковой стеле из Пантикапея, датирующаяся I в. н.э.:

Σαρίκη
γυνῆ
Μυρέ | ους,
χαίρε

Σαрика, жена Мира, прощай (КБН, 512).

Почти все исследователи прошлого века (В.Ф. Миллер, М. Фасмер, Л. Згуста) возводили Σαρίκη к группе имен, которые соответствуют авест. **sarah*, осет. **sär* «голова», считая его уменьшительным, сходным по образованию с

мужским именем Σάρακος из Танаиса (КБН, 1251a) [16, с. 88, № 32; 5, S. 51–52; 14, S. 141–142, § 202]. О.Н. Трубачев, затем А.К. Шапошников усматривали в этом имени индоарийские корни и видели в нем индоарийский композит *sar – «женщина» [19, с. 56; 20, с. 61]. За компонентом σαρ(ι)- / -σαλ- может скрываться не менее двух разных основ. В составе антропонимов встречаются *sar- «объединять»; «единение», «дружба»; «быть связанным с ч.-л., к.-л.» (производное *sarya- в авест.), из которого, по мнению С.Р. Тохтасьева, лучше объясняются сарматские имена (например, имя боспорской царицы Καμασαρηη восходит к иран. *Kāma-sara-, где *kāma- означает «желание, любовь»), и *sarah- «голова» [8, р. 65, № 65]. Впрочем, исследователь не относит к группе имен с компонентом *sar- наше имя: согласно его логике, этот компонент чаще встречается в многосоставных антропонимах. Не совсем ясная этимология женского имени Σαράκη позволяет относить его к сарматским лишь предположительно.

С иранским компонентом *sar- надежнее было бы связать антропоним из надписи на хранящейся в Темрюкском музее известняковой стеле позднего времени – IV–V вв. н.э.:

Δημοφῶν
Ἰανισαλ(ο)ι
ἀδελφῆ
μνήμ(ε)ν

Демофонт Анисале сестре
(поставил памятник на) память
[21, с. 173–174].

Надпись выполнена с ошибками резчика: в дат. п. женского имени вместо ο должно быть φ, необычна также формулировка последней строки, возможно, резчик имел в виду традиционную для надгробных памятников формулу μνήμην χάριν. Первая издательница надписи Н.П. Розанова констатировала, что женское имя Ἰανισαλον (Ἰανισαλώ), встречающееся впервые, – местное. Ю.Г. Виноградов считал данное имя скифским и благодаря некоторому созвучию счел возможным сопоставить его с мужским именем Φανισαλους (gen. m.?) в граффито на амфоре последней четверти IV – начала III в. до н.э. с поселения Дидова Хата ольвийской хоры [22, S. 159]. Однако имя скорее сарматское, тогда λ компонента -σαλ- должно восходить к основе на *ri / y (*sari / sarya), что характерно для сарматского языка [23, с. 243; 8, р. 53, № 44]. Имя Ἰανισαλω можно сопоставить с мужским именем Ταυσαλου (gen. КБН, 708. Пантикапей, I–II вв. н.э.), которое восходит к *Tanū-sarya- (иран. *tanū- «тело») и в переводе

означает «в согласии со (своим) телом» [8, р. 65, № 65]. Греческое имя брата Анисалы может свидетельствовать о варварском происхождении ее матери. Однако боспорский ономастикон к этому времени изменился, в него вошли как греческие, так и варварские имена, этническую принадлежность носителей которых определить удается порой весьма относительно.

К иранским можно предположительно отнести еще два женских личных имени. В пантикапейской надписи рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. упоминается женщина, поставившая стелу своему мужу: Σάσαν ὀπίτην γυνὴ Ταμίρα (Casa гоплита жена Тамира. КБН, 318). Л. Згуста возводил это имя к авест. *taxma- – «храбрый, сильный, энергичный, мужественный», отрицающая принадлежность к этой группе имени масагетской царицы Τόμυρος, рассказ о которой содержится у Геродота (Hdt. I, 205) [14, S. 152, § 227].

Другое имя засвидетельствовано в поздней пантикапейской надписи середины IV в. н.э., упоминающей женщину, поставившую стелу своему сыну: Στοράνη γυνὴ Ἰἄδα Πάππου (Сторана, жена Ада, сына Паппа. КБН, 744). В.Ф. Миллер, М. Фасмер, Л. Згуста рассматривают это имя как производное от иран. *stūra- «сильный, мощный» (ср. с муж. Στύρανος < *Stūrāna- КБН, 708). В данном случае, по их мнению, греческая υ передана посредством о [16, с. 88–89, № 34; 5, S. 53; 14, S. 150, § 224].

Таким образом, единственное упоминание скифского женского имени относится к рубежу V–IV вв. до н.э., периоду активных контактов с Великой Скифией. Далее возникает хронологический разрыв, иранские женские имена снова появляются, уже в большем количестве, к рубежу н.э., и связывать их следует с сарматами, оказывающими с этого времени большое влияние на историческое развитие Боспора. Однако зафиксированных иранских женских личных имен всего античного периода на Боспоре несравнимо меньше, чем мужских. Нельзя отрицать наличие смешанных браков в греческой среде, так как, согласно сообщению Геродота, греческие переселенцы обычно отправлялись без женщин, поэтому браки с представительницами туземного населения были одним из условий поддержания численности населения (Hdt. I, 146). Остается предполагать, что женщинам из местной варварской среды при вступлении в брак с эллинами давались греческие имена. Те же случаи, когда иранские женские имена сохранялись, можно объяснить либо их популярностью среди жителей Боспора (Μαστα, Μάδα), либо традицией на-

следования женских имен по материнской линии (Патика, Αλισαλώ).

Малоазийские имена

Женские имена Ἄννη (КБН, 158: Ἄννη Θεοδότου; 209: Νάνα: Νικόμαχου γυνή; Τάτυς: Ἄττω, Ἄννη Τάτυος γυνή. Пантикапей, IV в. до н.э.), Ἄννα (КБН, 340: Ἄννα Σ--- [θυγάτηρ]. Пантикапей, I в. до н.э.), Ἄννειν (КБН, 891: Ἄννειν γυνή<ι>-----μυρενα, χαίρε. хора Пантикапея, I–II вв. н.э.), Ἄνεин (КБН, 892: Ἄνεин γ[υ]νὴ Διομήδου καὶ Πανέρως Κοσου, χαίρειν). Хора Пантикапея, II в. н.э.), по всей вероятности, восходят к малоазийской основе *An(a)-, хотя само по себе это имя может принадлежать самым различным языкам (ср. хетт. *Anna*, лид. *Anas*, фриг. *Αννων*, Ἄννα также является хорошо известной греческой формой еврейского имени *Annāh*) [24, с. 184, № 15]. По мнению Л. Згусты, несмотря на сходство имен из Малой Азии и Северного Причерноморья, их малоазийское происхождение вовсе не обязательно, в чем, впрочем, нас убеждает их сочетание с бесспорно малоазийскими именами родственников [14, S. 294–295, § 594]. Как малоазийским, так и собственно греческим может быть женское имя Ἄπφη (КБН, 164, Пантикапей, IV в. до н.э.; 1086, Гермонасса, II в. н.э.), Ἄπφια (КБН, 1022. Запорожская, I–II вв. н.э.) [14, S. 295–297, § 595].

По всей видимости, расширением той же малоазийской основы *An(a)- является имя Ἀναίη (КБН, 245: Λύσιππος Μιτραβάτου, Ἀναίη Μιτραβάτου. Пантикапей, вторая пол. IV в. до н.э.). Такое предположение находится в согласии с персидским именем отца Анеи; как известно, в греческих колониях Малой Азии персидские имена были весьма популярны [24, с. 186, № 21]. В Китае известно женское имя Ἀνήα второй половины I в. н.э. [25, с. 99, № 2].

Зафиксированное на Боспоре женское имя Νᾶ (КБН, 222: Σ(?)αρία Μάνεω γυνή, Νᾶ Μάνεω (θ)υγάτηρ]. Пантикапей, IV в. до н.э.) встречается главным образом в южных районах Малой Азии и во Фригии [13, § 1007]. Редупликация основы Na, представленной предыдущим именем, встречается на Боспоре в женском имени Νάνα (КБН, 209; 225: Τίβης ὁ υἱος, | Νάνα Τιβείο γυνή. Пантикапей, IV в. до н.э.; 285: Νάνα μήτηρ Μηνοδώρου καὶ ἀδελφὴ Δημοστράτη, χαίρε[τε]. Пантикапей, II–I вв. до н.э.). В Малой Азии это имя распространено повсеместно, оно известно в Синопе и Геракле, в Северном Причерноморье – в Херсонесе [24, с. 183, 185, № 14, 18]. Из Фригии или Южного Понта происходит, вероятно, и Ἠδία Γόρδιος θυγάτηρ (КБН, 184. Пантика-

пей, вторая пол. IV в. до н.э.) [24, с. 197]. Отец Гедики также носит малоазийское имя, засвидетельствованное в Каппадокии, Вифинии, Фригии [24, с. 189, № 24].

Еще одно малоазийское имя, чтение которого, впрочем, ненадежно, засвидетельствовано в уже упомянутой пантикапейской надписи IV в. до н.э. Σ(?)αρία Μάνεω γυνή (КБН, 222). Возможно, это имя-этникон от названия острова Σάρος у побережья Карики или расширение засвидетельствованного в лидийском антропониме *Saros* (ср. gen. m. *Σαρ-σανδου* из Синопы, хетто-лув. *Sari-wanda*, кар. *Σαρουσσωλος*, ΣΑΡΙ – легенда монет Амиса) [24, с. 186, № 18]. Мужское имя Μάνης, которое носит муж Сарии, распространено по всей Малой Азии, особенно во Фригии, известно также в Пафлагонии, Синопе, Геракле [24, с. 185, № 18]. Такое же имя у жены амисийца Сосия в семейном надгробии первой половины III в. до н.э. из Пантикапея (КБН, 249): [Σ]ωσίας Δαμάρου Ἀμισιηνός, Μαία γυνὴ Σωσία.

Назовем еще ряд малоазийских женских имен, получивших распространение на Боспоре с I в. до н.э.: Μάσατις (КБН, 282: Μαστοῦ Ἀνοπτήριδος καὶ μήτηρ Μάσατις, χαίρετε. Пантикапей, I в. до н.э.; 969: Μακαρία γυνὴ Καλλιμάχου καὶ θυγάτηρ Μάσατις, χαίρετε. Тасуново, I в. н.э.) – к хетто-лув. *Masac* с суф. *-(t)i* (лик. *Masa*, *Masasi*, *Μασάς*, известно также в Писидии и Фригии, последнее имя неоднократно встречается на Боспоре) [9, с. 77]; Μᾶ (КБН, 132, 135, 280, 525, 619, 692, 796. Пантикапей, I в. до н.э. – I в. н.э.); женское имя Τατία (КБН, 290: Τατία Νικίου, χαίρε. Пантикапей, I в. до н.э.) входит в обширный ряд имен на Τατ°, распространенных во Фригии, Лидии, Киликии [24, с. 184, № 15].

В отдельную группу можно выделить имена персидского происхождения, носителями которых являлись выходцы из Малой Азии. К ним относится женское имя Γάζα из пантикапейской эпитафии I в. до н.э. (Γάζα γυνὴ Δίου). Эпитафия была впервые опубликована А.И. Болтуновой без восстановления имени, чтение Γάζα принадлежит С.Р. Тохтасеву [26, с. 23–28; 27, с. 233]. Это имя известно также в Аттике, Тиосе (город в Северо-Восточной Вифинии), Никомерии. Само слово *γάζα* древнеиранского (мидийского) происхождения, восходит к **ganza-*, обозначающему первоначально персидскую царскую сокровищницу, казну. Этот термин, впервые появившийся в греческих текстах у Теофраста, со временем вошел в обиход и стал обозначать не одну только сокровищницу Царя, а просто крупную сумму денег, нечто драгоценное. Милет, Никомерия, Тиос располагались в

тех областях греческого мира, которые были сильно затронуты влиянием персидской культуры. Это подсказывает наиболее вероятную этимологию имени – оно должно было обозначать, собственно «сокровище (ты мое)», «золоток», являясь приблизительным аналогом греческих женских имен с сентиментальной окраской, например, Χρύσα, Χρύσι(ο)ν, Χρήμα, Ἀγάθον [27, с. 234]. С.Р. Тохтасьев полагает, что это женское имя было образовано именно в греческой среде, поскольку, если в Передней Азии оно сохраняло исходное значение, то в греческом языке оно получило более широкое употребление [27, с. 235]. Вероятно, муж покойной был боспорским купцом, который привез жену из Малой Азии, может быть, из Вифинии. Но если имя собственно иранское, то это ничего не меняет, так как на Боспоре – особенно после вхождения его в состав державы Митридата Евпатора – засвидетельствовано довольно много иранских имен мидийско-персидского происхождения, носители которых (или их предки) прибыли сюда по большей части из Малой Азии, прежде всего из южнопонтских областей. К подобным именам упомянутый исследователь относит имя Ῥωξάνη (КБН, 507: Ῥόδων Τζοκράτους καὶ γυνὴ Ῥ(ω)ξάνη<ι>, χαίρετε. Пантикапей, I в. н.э.), восходящее к авест. *Raōxšna – «блестящий». Исторические имена известных лиц прошлого (в данном случае Роксаны, бактрийской принцессы, жены Александра Македонского) были особенно популярны на Боспоре в римский период [6, р. 5]. Носительница данного имени, как и в предыдущем случае, могла происходить из греческой среды южнопонтских городов.

Таким образом, обращает на себя внимание, что количество зафиксированных на Боспоре иранских женских имен заметно уступает малоазийским. Как полагает С.Р. Тохтасьев, такое количество происходящих из Малой Азии имен и их носителей в IV в. до н.э. связано с массовым переселением жителей данного региона на Боспор, поощряемым первыми Спартокидами «в условиях территориального роста государства и нехватки собственных людских ресурсов» [24, с. 204]. Малоазийские женские имена, вероятно, происходили из ономастикона грецизированных варваров, проживавших в южнопонтских городах – Синопе, Амисе, Гераклее, Трапезунде (Νάνα, Ἰνδία, Μαρία). Большинство интересующих нас женских имен IV в. до н.э. с Боспора содержатся в семейных надгробиях, поскольку переселялись целыми семьями, где все или почти все имена негреческие, большей частью определено малоазийские. Прибыв

на новое место, переселенцы обычно сохраняли прежние родственные связи, вероятно, объединяясь в подобия землячеств, даже жен выходцы из Малой Азии, как свидетельствуют семейные эпитафии, брали из своей среды, а детей называли в соответствии со своей ономастической традицией (см. выше КБН, 184, 209, 222, 225). Другой пример показывает, что они заключали смешанные браки, соблюдая, впрочем, собственные традиции передачи имени: Ῥαρμίδης, Δη[μ]ητρ[ια] Ῥαρμ(ιδ)ου γυνή, Γόρδης Ῥαρμ(ιδ)ο, Ῥαρτεμίδωρη Ῥαρμ(ιδ)ο (КБН, 168. Пантикапей, IV в. до н.э.). По-видимому, сына нарекал малоазийским именем сам Армад (Ῥαρμίδης к хетто-лув. *Arma «луна»), дочери же выбрала греческое имя его жена [9, с. 78]. В III–I вв. до н.э. поток переселенцев из Малой Азии не прекратился, так как связи Боспора с Южным Понтом никогда не прерывались, а с включением Боспора в состав державы Митридата Евпатора только упрочились. Однако речь должна вестись не об организованных группах эпойков, целых семьях, а об отдельных переселенцах. В этот период малоазийские и персидские женские имена встречаются в семейных надгробиях только наряду с греческими.

К женским именам с не совсем ясным происхождением относится личное имя Ζόβην из Пантикапея, относящееся к концу I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.:

Φάννας Ὀροφ[έρ]
νου καὶ Φάννας Βι - - -
ους καὶ Ζόβην γυνή [Φάν]
να, χαίρετε

Фанн, сын Ороферна и Фанн, сын Би...уса, и Зобен, жена Фанна, прощайте (КБН, 320).

Согласно Д. Дечеву, женское имя Ζόβην, подобно мужскому Ζώβεις из Ольвии, является фракийским [28, S. 193]. Однако последнее имя, по мнению С.Р. Тохтасьева, скорее идентично хорошо известному греческому личному имени Ζώβιος [29, с. 186, № 8]. Л. Робер, ссылаясь на личное имя Ζωβη из окрестностей Амасии, считает Ζοβην малоазийским, что также вполне возможно [30, р. 538]. Ζοβην похоронена вместе с Φάννας Ὀροφ[έρ]νου, видимо, они были родственниками. Ороферн – персидское личное имя, то есть для Боспора собственно малоазийское, поскольку, как уже говорилось выше, носителями персидских имен зачастую являлись выходцы из южнопонтского региона Малой Азии [14, S. 277, § 551].

Фракийские имена

Собственно к фракийским более или менее надежно мы можем отнести одно женское имя,

известное из пантикапейского надгробия первой половины II в. н.э.:

Βενζεί θυγατρ
Μοκαπόρεους,
χαίρε

Бензис, дочь Мокапориса, прощай (КБН, 663).

По мнению В.Ф. Миллера, это имя напоминает иран. дигорск. *bīndzā*, иронск. *būndz* – «пчела». Любопытно, что у осетинов до сих пор употребительно женское имя Біндзä, даваемое девочкам, как будущим соперницам пчел по трудолюбию [15, с. 250, № 47].

С.М. Крыкин указывает на фракийское происхождение антропонима (Nom. Βενζίς, Βενζείς) [31, с. 30–31]. Частая ассимиляция *d* во фракийском языке перед переднеязычной *i* общепризнанна и, таким образом, подтверждается догадка Фасмера об идентичности личного имени Βενζείς с теофорным Βενδίς [5, S. 36]. Фракийская богиня Бендида, особенно почитаемая в юго-западных областях Фракии, уже в V в. до н.э. была очень популярна среди греков, поэтому теоним прочно вошел в эллинскую антропонию в чистом виде или в гибридных композитах [14, S. 279–280, § 557]. Собственно на фракийских территориях личное имя Βενδίς и дериваты от него применялись исключительно в хинтерланде, то есть вне зон непосредственного контакта с греческими колониями. Фракийский патронимик носительницы имени Βενζίς свидетельствует в пользу ее фракийского происхождения [31, с. 72–73]. Фракийские личные имена в более или менее заметном количестве известны на Боспоре лишь в митридатовский и последующий периоды, начиная с I в. до н.э. Фракийцы служили в армии Митридата и преемников его власти, часть фракийских наемников могли оставаться на постоянное жительство с наделением земельным участком, получением полных или частичных гражданских прав, о чем свидетельствует отсутствие этника [29, с. 181, 196]. Как фракийский наемник мог прибыть на Боспор Мокапорис, назвав дочь в соответствии с традициями своей этнической среды. Есть и другое объяснение: с фракийской принцессой Гипепирией, женой боспорского царя Аспурга, прибыла на Боспор в I в. н.э. свита из числа фракийской знати, к потомкам которой могли принадлежать носители имен Βενζίς и Μοκαπόρις [31, с. 38].

Еврейские имена

Евреи появляются на Боспоре с митридатовского времени, хотя наличие иудейской общины фиксируется в Пантикапее только с I в.

н.э. (КБН, 70, 71, 72). Л. Згуста относил к семитским женское имя Εμμείς из пантикапейской метрической эпитафии I в. до н.э. (КБН, 122, 5: 'Εμμεί Αινέου μήτηρ) [14, S. 331, § 755]. В.П. Яйленко считает еврейским имя Δόλησον (В КБН, 450 Λόλησον: Λόλησον 'Ηγουμένως καὶ υἱὸς 'Ψγια(ί)νων, χαίρετε. Пантикапей, I в. н.э.). По его мнению, оно представляет собой гипокористик среднего рода к мужскому имени Δόλησος, известному в сирийской Гада-ре [32, с. 167–168]. Предположительно еврейским является женское имя Η(ε)λις (в КБН – 8 носителей) [33, с. 29]. Появление евреев на Боспоре не обязательно должно было привести к появлению значительного количества еврейских личных имен, евреи могли носить греческие имена. Семисвечник на стеле с недошедшим до нас именем жены Хрестиона должен свидетельствовать о ее принадлежности к иудейской общине (КБН, 746: ---θυυ, γυνή Χρηστίωυ. Пантикапей, IV в. н.э.). Еврейские имена могли быть связаны с конфессиональной принадлежностью их носителей с членами фиаса, чтящими Бога Высочайшего, которые, как считается, принадлежали к квазипрозелитскому кругу [33, с. 29].

Таким образом, на Боспоре зафиксированы иранские, малоазийские, фракийские и еврейские женские личные имена. Мы выяснили, что иранские женские имена сохранялись вследствие их популярности среди жителей Боспора или традиции наследования по материнской линии. Большинство малоазийских имен и рассмотренное фракийское имя Βενζίς связаны с переселением жителей Малой Азии и Фракии на Боспор. Причиной появления еврейских женских имен является существование на Боспоре иудейской общины и фиаса, члены которого почитали Бога Высочайшего. Общее количество зафиксированных негреческих женских имен весьма незначительно, что свидетельствует о традиции смены имени, поэтому личные имена не всегда отражают этническую принадлежность своих носительниц. Следует, впрочем, отметить, что все рассмотренные нами женские имена, судя по надписям на надгробных стелах, принадлежат женщинам из полноправного населения, отсутствие этника указывает на включенность их носительниц в гражданский коллектив, тем самым их имен – в боспорский ономастикон. Возможно, варварских имен было гораздо больше среди женщин с низким социальным статусом, надгробные памятники которым не ставились.

Список литературы

1. Скржинская М.В. Женщины в античных государствах Северного Причерноморья (по материалам Боспора, Херсонеса и Ольвии) // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2008. Вып. XIX. С. 46–81.
2. Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб., 2000. 288 с.
3. Молева Н.В. Боспорская женщина в семье и обществе // Историк, археолог, литератор. Юбилейный сборник к 90-летию М.М. Кубланова. СПб., 2004. С. 67–72.
4. Белова Н.С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. № 3. С. 105–117.
5. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrusland. Leipzig, 1923. 98 S.
6. Tokhtas'ev S.R. Epigraphical notes // Ancient Civilizations. 2005. 11/1–2. P. 3–40.
7. Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р. Новые данные о культуре Афродиты в Гермонассе // Hyperboreus. 2003. 9/1. P. 83–88.
8. Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iasi, 2005. P. 7–67.
9. Тохтасьев С.Р. Надгробная стела сыновей Аттеса из Мирмекия // ВДИ. 2006. № 1. С. 72–79.
10. Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л., 1990. 70 с.
11. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. X–XVII // Hyperboreus. 2000. 6/1. P. 124–156.
12. Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. – Л., 1953. 154 с.
13. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964. 675 S.
14. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. 469 S.
15. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. 1887. Сентябрь. С. 229–281.
16. Миллер В.Ф. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 80–95.
17. Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 1979. № 159. С. 90–94.
18. Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 148–161.
19. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4. С. 39–63.
20. Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // ВЯ. 2005. № 5. С. 30–67.
21. Розанова Н.П. Греческие надписи Темрюкского и Ялтинского музеев // ВДИ. 1955. № 1. С. 173–176.
22. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. 571 S.
23. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. 605 с.
24. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX. Малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 2007. № 1. С. 170–208.
25. Молев Е.А. Эпиграфические памятники из раскопок Китея // Проблемы истории, филологии и культуры. М.: Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 97–103.
26. Болтунова А.И. Надгробная эпитафия жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977. С. 23–28.
27. Тохтасьев С.Р. Газа, любимая жена Дия // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 232–236.
28. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. 582 S.
29. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по истории и культуре античного Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 178–199.
30. Robert L. Les noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. I. P., 1964. 605 p.
31. Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. 332 с.
32. Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4–201.
33. Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Международный симпозиум «Античная балканистика», 6. Тезисы докладов. М., 1988. С. 28–29.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВЯ – Вопросы языкознания. М.
 ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения. СПб.
 ИАК – Известия императорской археологической комиссии. СПб.
 КБН – Корпус боспорских надписей. М. – Л., 1965.
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Археологии Академии наук СССР. М.

NON-GREEK FEMALE NAMES OF THE ANCIENT BOSPORUS*T.A. Kuz'mina*

This article is an attempt to analyze all non-Greek female personal names of the Bosphorus known by now: Iranian, Thracian, Judaic, and those from Asia Minor. We consider the ethnic origin of their bearers, ways of their penetration into Bosporan cities, etymology and context of these names' existence. The author concludes that the presence of these names' bearers fits well into the general picture of ethnic processes in the region. Insignificant number of non-Greek female names in the Bosporan onomasticon may be explained by the tradition of name changing.

Keywords: Bosporan Kingdom, woman, anthroponymics, Asia Minor, Iranian, Thracian, Judaic names.